

**К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ИСЛАМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В СССР В 1940–1980-х ГОДАХ
(по материалам Среднего Поволжья)**

В статье анализируются основные направления советской государственно-церковной политики в отношении ислама на региональном уровне – в Среднем Поволжье в 1940–1980-х гг. (атеистическая работа, закрытие мечетей, введение «социалистической» обрядности и т. д.).

А. Korolev

**STATE-ISLAMIC RELATIONS IN THE USSR IN THE 1940–1980s
(based on the materials of the Middle Volga region)**

The article views the general directions of the Soviet church policy concerning Islam at the regional level – in the Middle Volga region in the 1940–1980s (atheistic work, closing of mosques, introduction of “socialistic” ritualism, etc.).

На всем протяжении советской истории государственно-исламские отношения имели, по сути, репрессивный со стороны властей характер. На местах государственно-конфессиональная политика проводилась в первую очередь через уполномоченных Совета по делам религиозных культов (религий). Уполномоченный Совета по Пензенской области докладывал в центр, что контроль за выполнением и соблюдением советского законодательства о религиозных культах осуществлялся, главным образом, «через председателей и секретарей райисполкомов; через беседы с посетителями – верующими, служителями культов, приходящим по различным вопросам культов, и путем бесед с представителями советских органов и отдельными

верующими во время выездов на места»¹. Несмотря на провозглашенный принцип отделения церкви от государства, власть активно вмешивалась в религиозную практику. На местах, в частности в Среднем Поволжье, по замечанию одного из уполномоченных Совета по делам религиозных культов, «райгорисполкомы используют свое право и разрешают ... вопросы, связанные с выдачей разрешений по проведению собраний учредителей общин, на отвод неудобных нам лиц из состава исполнительных органов и ревизионных комиссий и по другим вопросам»².

Часто отношения между уполномоченными Совета и местными партийными и советскими органами в Среднем Поволжье складывались весьма неоднозначно. Ведь

в первую очередь именно от позиции самого уполномоченного Совета по делам религиозных культов, его понимания своих задач зависело положение верующих и священнослужителей на местах. Порою здравый смысл, порядочность уполномоченных оборачивались для них плачевными последствиями. Так, в 1949 г. «за притупление большевистской бдительности» был снят с работы и объявлен выговор с занесением в учетную карточку уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Татарской АССР Х. С. Багаеву. «Вина» Х. С. Багаева состояла в том, что он стремился не допускать конфронтации и противостояния в отношениях с представителями исламского культа: не всегда препятствовал деятельности незарегистрированных мулл, допускал несанкционированные богослужения и т. п., поскольку, по его замечанию, все это могло «вызвать серьезное недовольство со стороны верующих». Вердикт вышестоящих инстанций был категоричен: «Тов. Багаев исчерпал себя как уполномоченный по делам религиозных культов, в ряде случаев стал способствовать муллам... распространять свое влияние на трудящихся. В силу этого он в дальнейшем не сможет осуществить политику нашей большевистской партии в отношении религии и должен быть смещен с занимаемого им поста»³. Затем в связи с изменением вектора государственно-конфессиональной политики в 1950-х гг. местные органы вынуждены были усилить свое участие в антирелигиозной работе.

Один из самых сложных вопросов в отношениях между советским государством и мусульманами касался культовых зданий ислама — мечетей. Несмотря на либерализацию советской конфессиональной политики в СССР после войны, в целом, на конец 1940-х — начало 1950-х гг. приходится «всплеск» закрытия мечетей в Среднем Поволжье. Недовольство верующих было столь велико, что в различные инстанции хлынул буквально поток прошений об открытии мечетей и жалобы на волюнтарист-

ские действия местных властей. Как следствие, в 1955 г. властями было принято постановление Совета Министров СССР № 259 (17 февраля 1955 г.), по которому решения по ходатайствам верующих об открытии молитвенных зданий принимают Советы Министров союзных республик по согласованию с Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, Совету также предоставлялось право регистрировать фактически действующие, но не зарегистрированные религиозные общества, имевшие молитвенные здания⁴. К середине 1960-х гг. динамика закрытия мечетей в Среднем Поволжье снизилась. Недействовавшие и пустовавшие мечети использовались, как правило, для культурно-хозяйственных нужд. Так, на 01.01.1970 г. из 297 закрытых культовых зданий на территории Татарской АССР под школы было задействовано 47, детские сады — 3, библиотеки — 8, клубы — 51, склады — 17, лесопилку — 1, мастерские — 2 и т. п.⁵

Верующие не были согласны с волюнтаристскими решениями властей по поводу закрытия мечетей и зачастую самостоятельно пытались восстановить на местах справедливость в их понимании. Так, в середине 1950-х гг. в с. Кикино Каменского района Пензенской области мусульмане «посредине села самочинно стали строить опять мечеть, возвели сруб и подготовили его для покрытия». Лишь вмешательством райисполкома строительство было прекращено⁶. Даже после прекращения использования мечетей по назначению коренного переоборудования зачастую в них не происходило, как будто, верующие мусульмане надеялись на недолговечность «действий, неугодных Аллаху». Так, в с. Татарский Канадей Кузнецкого района Пензенской области одно из зданий мечети, несмотря на длительный срок использования в качестве школьного помещения, продолжало сохранять «церковный вид» (имелся минарет — шпилевая башня с полумесяцем)⁷. В пензенских селах Татарская Пенделка, Бестянка Кузнецкого района пусто-

ющие здания мечетей также сохраняли «церковный» вид: ни капитального переоборудования, ни разборки зданий не было проведено; шпили минаретов по-прежнему возвышались над мечетями. Обобщая и анализируя свой опыт по закрытию мечетей, уполномоченный Совета по Пензенской области делал разумные выводы: «Осуществление этих мероприятий, безусловно, должно проводиться продуманно, без какой-либо поспешности и административного нажима и должно повлечь за собой не просто формальное закрытие молитвенного здания, а фактическую ликвидацию религиозной общины и полное прекращение ее деятельности»⁸.

С середины 1950-х гг. советские власти стали предпринимать меры для снижения уровня религиозности мусульман – «создавать и вовлекать все большее количество молодежи в культурно-просветительские кружки, беседы с нарушителями трудовой дисциплины в дни религиозных праздников» и т.д. Уполномоченными Совета по делам религиозных культов в регионах Среднего Поволжья председателям райисполкомов, в районах которых имелось татарское население, рассылались закрытые письма, в которых предлагалось «провести в жизнь ряд практических мероприятий, направленных на усиление культурно-просветительской работы среди населения и на отвлечение от соблюдения религиозных праздников и ослабление деятельности актива верующих и духовенства»⁹. По мнению властей, действенность атеистического воспитания зависела от творческого применения марксистских методологических принципов критики ислама, от глубокого понимания конфессиональной особенности этой религии, от всестороннего социологического анализа состояния религиозности населения, ... от форм, средств и методов атеистического воспитания»¹⁰.

В Среднем Поволжье в 1950–1980-х гг. сложилась постоянная практика выступлений уполномоченных Совета по делам религий в регионах перед партийно-совет-

ским активом на областных совещаниях ответственных партийных и советских работников «с целью разъяснения ... законов и постановлений советского правительства о деятельности религиозных объединений»¹¹. Например, на постоянно действовавших курсах по переподготовке руководящих кадров при областном комитете КПСС Татарской АССР обязательно предусматривалось выступление уполномоченного по делам религий¹². В соответствии с указаниями Совета о работе с духовенством в г. Казани регулярно проводились собеседования с духовенством и активом мусульманских объединений Татарской АССР, на которых читались лекции о внутренней и внешней политике СССР, разъяснялись законодательные нормы в отношении религиозных организаций и верующих и т. д. Изложенные материалы рекомендовалось использовать в проповеднической деятельности¹³. В 1980-х гг. постоянный характер приняли встречи председателя Президиума Верховного Совета Татарской АССР А. Б. Багаутдинова и председателя ДУМЕС муфтия Т. С. Тагиева. Уполномоченный Совета по Татарской АССР И. Ш. Авхадиев докладывал в столицу: «Нет сомнения в том, что такие встречи способствуют воспитанию духовенства в духе патриотизма, повышают чувство ответственности у него за строгое соблюдение законности в своей деятельности»¹⁴.

Идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», которые стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Однако на местах, в частности, в Среднем Поволжье, атеистическая работа, одним из направлений которой являлась массово-разъяснительная и пропагандистская работа, оставляла желать лучшего. Так, несмотря на многократные замечания уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. С. Попова, помещение клуба в с. Малый Труев Кузнецкого района «выглядит уют-

но, содержится грязно; на полу мусор, шелуха от семечек, часть мебели поломана», здание клуба в с. Большой Труев Кузнецкого района было признано аварийным и угрожало обвалом. И это в то время, когда здания действующих мечетей были отремонтированы и содержались в идеальной чистоте¹⁵. В сельских библиотеках Среднего Поволжья практически не имелось политической и художественной литературы на татарском языке. В 1973 г. по инициативе уполномоченного Совета по Ульяновской области райком КПСС вынужден был обсуждать на бюро вопрос о «повышении роли партийной организации колхоза «Победа» в атеистическом воспитании населения», поскольку «вследствие примиренческих позиций, занятых партийной организацией и сельским Советом по отношению к религиозному активу» в течение всего года не было проведено ни одного атеистического мероприятия с населением с. Старая Тюгельбуга Новомалыклинского района¹⁶.

Местные власти и уполномоченные Среднего Поволжья отдавали себе отчет, атеистическая работа наиболее убедительна и эффективна в том случае, если ею занимаются местные жители коренной татарской национальности. Однако, хотя местные активисты и соглашались участвовать в «разоблачении и развенчании пережитков» ислама в силу необходимости (из-за партийной принадлежности, например), то, как правило, делали это формально, опасаясь вызвать осуждение со стороны сельчан и особенно родственников. Поэтому одна из основных проблем, с которой сталкивались советские власти Среднего Поволжья при проведении атеистической работы среди татарского населения, — «нехватка лекторов, способных читать атеистические лекции по мусульманству, особенно владеющих национальным языком»¹⁷.

Одним из ключевых моментов научно-атеистической пропаганды была признана работа по замене религиозных обычаев и

традиций новыми советскими праздниками и ритуалами. На местах образуются «комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам», по проведению безрелигиозных гражданских обрядов, создаются общественные советы по внедрению в жизнь новых гражданских обрядов, появляются методические разработки по проведению того или иного праздника. Так, еще в 1963 г. в промышленные и сельские обкомы КПСС и облисполкомы Пензенской области была представлена докладная записка «О некоторых мерах по внедрению в быт советских людей безрелигиозных обрядов». Большое значение придавалось проведению светских праздников: «День животновода», «День механизатора», «Праздник урожая», «Праздник песни и молодежи», «Праздник серпа и молота» и т. д. Однако проблемы оставались. Исполком пензенского областного Совета депутатов трудящихся на своем заседании 26 июня 1968 г. был вынужден заслушать отчет Башмаковского райисполкома и принять развернутое решение, обязывавшее все райисполкомы осуществить конкретные меры по повседневному улучшению работы по проведению новых гражданских обрядов и праздников¹⁸. С конца 1960-х гг. в регионах, например, в ряде татарских сел Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей начали активно проводиться гражданские торжественные регистрации новобрачных, и это не встречало заметного осуждения со стороны пожилых мусульман, а напротив, наблюдался все более возрастающий интерес, проведение подобных торжественных церемоний в условиях региона десять лет назад едва ли было возможным¹⁹. Ульяновским облисполкомом в начале 1970-х гг. были приняты специальные решения № 433-15-с от 07.07.1972 г. и № 648 от 29.09.1973 г., призванные активизировать работу в этом направлении. В итоге, в 1974–1978 гг. в городах Ульяновской области в торжественной обстановке уже было зарегистрировано 58% новорожденных, заключено 87% браков; но в сельской

области данные показатели были значительно ниже — не превышали 45%, в отдельных районах — не выше 10%, а в некоторых селах (Старая Тюгальбуга, Очкаюн, Елховый Куст, Абдреево), «несмотря на проводимую разъяснительную работу, вообще не проводятся»²⁰. Далеко не все священнослужители воспринимали новую практику. Так, Н. М. Мофлюхунов, мулла чистопольской мечети (Татарская АССР) в праздничной проповеди на «Курбан-байрам» (1977 г.) «обрушился с критикой на тех, кто устраивал красные свадьбы»²¹.

Несмотря на активные действия советских властей, практика складывалась таким образом, что система новых традиций социалистической обрядности зачастую не вытесняла религиозные обряды и ритуалы, а выступала красивым зрелищным дополнением. Так, в 1969 г. «в целях отвлечения населения от религиозных празднеств» во время «Курбан-байрама» в Ульяновской области в селах (с. Татарское Урайкино, Татарский Калмаюр и др.) организовывались мероприятия «культурного и общественно-политического характера» — «праздники культуры села, во время которых организовывались спортивные соревнования молодежи, в сельском клубе был поставлен концерт силами художественной самодеятельности, ... проводились общие собрания трудящихся» и т.д. В свою очередь, верующие, приняв участие в «светских делах», отправлялись на религиозные семейные «церемонии» — угощения, молитвы и т.п.²²

В начале 1960-х в контексте постановления Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» (16 марта 1961 г.), призывавшее усилить надзор, контроль за деятельностью религиозных организаций, по инициативе властей создается очередная «антицерковная» общественная структура — специальные комиссии (группы) содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах (без опубликования в печати) при районных, поселковых,

сельских местных органах власти, обладавшие достаточно большими полномочиями даже для вмешательства во внутрицерковную жизнь, в том числе и по «проверке документации и учета денежных и жертвенных приношений верующих, квартальных и годовых кассовых отчетов мечетей и т. д.»²³ Уже 31 марта 1961 г. бюро Пензенского обкома КПСС обсудило вопрос «О мерах улучшения антирелигиозной работы среди трудящихся Пензенской области», в результате чего при райгорисполкомах были образованы комиссии содействия выполнению законодательства о культах²⁴. При всех районных 28 исполкомах области начали функционировать комиссии содействия выполнению законов о культах. В июне 1961 г. состоялся семинар секретарей, заведующих отделами пропаганды и агитации горкомов и райкомов КПСС Татарской АССР, на котором присутствующим было дано указание по созданию комиссий (группами) содействия выполнению законодательства о культах и их руководству²⁵. Такие же решения были приняты советским руководством Ульяновской и Куйбышевской областей. В июле 1961 г. отдел пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС совместно с Татарским отделением общества по распространению политических и научных знаний провел кустовые семинары лекторов-атеистов с привлечением членов групп содействия «по наблюдению и контролю за деятельностью духовенства и религиозных объединений»²⁶. В 1970-е гг. с целью повышения эффективности деятельности комиссий в «проблемных» районах Среднего Поволжья было решено «пополнить состав комиссий содействия членами татарской национальности». Так, в 1979 г. председателем комиссии в г. Зеленодольске Татарской АССР был утвержден заместитель председателя исполкома А. М. Гатауллов, выбор которого определялся именно по национальному признаку²⁷. Подобные меры были приняты и в других регионах Среднего Поволжья.

Еще одним из направлений деятельности уполномоченного было выявление и соответствующая индивидуальная работа с верующими, особенно с комсомольцами и коммунистами, поскольку «среди граждан, совершивших религиозные обряды, иногда оказываются такие представители интеллигенции, которые в силу своих должностных обязанностей занимаются воспитанием населения, в их числе: учителя, культпросветработники, воспитатели детских садов, медицинские работники»²⁸. В 1978 г. уполномоченным Советом и членами комиссии по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах Новомалыклинского района Ульяновской области было проведено 10 личных бесед с верующими²⁹. В случае если сами верующие, несмотря на усилия уполномоченных, продолжали свою деятельность, то подключали их родственников для оказания воздействия на них. Например, в 1979 г. в г. Зеленодольске Татарской АССР образовалась группа верующих, направлявших ходатайства о строительстве мечети. Органами власти, «с целью оказания влияния членов семей на своих престарелых родителей и с тем, чтобы отговорить их от намерений и действий, направленных на регистрацию общины и строительство мечети, проведены беседы ... с сыном и дочерью главного инициатора К. М. Мухутдинова, которые являются членами КПСС, с Б. М. Миннибаевой — депутатом горсовета, членом КПСС, свекор которой также является активистом»³⁰. Но, как отмечал уполномоченный Совет по Ульяновской области, индивидуальная работа с верующими являлась одним из проблемных участков работы и находилась «в запущенном состоянии»³¹, поскольку действовать приходилось очень деликатно, тонко, пытаясь без оскорбления чувств верующих исправить ситуацию.

На протяжении 1950–1970-х гг. для уполномоченных Советов в Среднем Поволжье актуальным продолжало оставаться направление работы, связанное с паломничеством к «святым местам». Основное количество

«святых мест» мусульманского культа Среднего Поволжья было сосредоточено в Татарской АССР (16 «святых мест» («святая могила», ключ, «святой камень» и т. д.); в г. Куйбышеве развалины мечети являлись для верующих «святым местом», куда направлялись паломники; на территории Пензенского региона было известно об одном мусульманском «святом месте» — могильнике в Головинщенском районе, где был похоронен мулла — ишан; в Ульяновской области «святым местом» считалось захоронение «святого» ишана Хансевярова Хабибуллы (с. Новые Зимницы Старокулаткинского района)³². В конце 1959 г. председатель Духовного Управления мусульман Европейской части СССР и Сибири муфтий Ш. Ш. Хиялетдинов разослал на места документ «Воззвание и «фатва» по поводу паломничества: «Уважаемые мусульмане! Сохранилось среди Вас такое поверье, что будто бы некоторые умершие ишаны и святые люди («аулеи») в состоянии помочь вам освободиться от какого-либо несчастья на земле. Повинуясь такому поверью некоторые люди совершают над могилами таких считающихся святыми людьми молебны, поклонения и т. п. ... Подобные поступки в принципе являются противными шариату ислама...»³³. Служителям Аллаха на местах предлагалось, «основываясь на Коране и Хадисе, используя всю научную эрудицию, разъяснять в народе всю неправильность и вредность таких суеверий, противных шариату, и представлений о загробной жизни»³⁴. Выступая с данным воззванием перед верующими мухтасиб Я.С. Юсупов пояснял, что «покойники, бездыханные тела, лежащие в могилах, кем бы они ни были, отнюдь не в состоянии оказать человеку какую бы то ни было помощь. ... Посещать кладбища и осматривать могилы «святых людей» ... категорически воспрещается шариатом Ислама...»³⁵. В регионах Среднего Поволжья в 1970-е гг. местными органами власти были проведены совещания по вопросу «О прекращении паломничества к так называемым «святым местам», на которых присутство-

вали, как правило, работники РК КПСС, представители управлений культуры, облоно и других организаций, обозначившие комплекс профилактических мероприятий: были применены репрессивно-профилактические методы к верующим. С того времени вопрос о прекращении паломничества к «святым местам» больше не являлся актуальным для местных советских властей Среднего Поволжья.

Деятельность религиозных конфессий, в том числе мусульманской находилась под пристальным вниманием советского государства на всем протяжении его существования. Атеистическая работа отличалась масштабностью и системностью. Для формирования атеистического мировоззрения использовались самые различные формы. Государство стремилось максимально использовать в данном направлении возможности прессы, телевидения, радио, литературы, театра и т. п. В противовес веками сложившейся религиозности населения советское руководство предлагало мероприятия, «направленные на ослабление религиозности среди населения, проведенные партийно-комсомольскими организациями, — проведение докладов и лекций на естественно-научные темы, демонстрация кинофильмов, доклады о международном положении, беседы и лекции на сельскохозяйственные темы, постановки в клубах, домах культуры спектаклей, концертов и др.»³⁶. Качество содержания и уровень подготовки данных «контрмер» не выдерживали зачастую никакой критики. Принципом антирелигиозной работы была не профилактика, а, главным образом, карательные, репрессивные действия. Явная формализованность, подмена количеством качества не способствовали увеличению эффектив-

ности данного направления внутренней политики государства. Кроме того, очень точно выразился один из председателей комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах Ульяновской области: «К числу недостатков в атеистической работе следует отметить то, что на проводимых мероприятиях представительство верующих ничтожно, эти мероприятия в основном посещаются молодежью и неверующими»³⁷.

В русле борьбы за «социалистическую обрядность», ликвидируя прежние атрибуты религии и внедряя красные уголки и клубы, укореняя новые праздники, призванные проводить в жизнь идеи коммунизма, власти не только укрепляли в сознании людей новые сходные с религиозными чувства. По большому же счету, верующие воспринимали светские мероприятия как дополнительное современное времяпрепровождение, но никак не замену религиозным праздникам.

По мере складывания определенной стабильной позиции советского государства по отношению к религии, отхода от ужесточения и «атак», нарушения законодательства о культах все более перемещались на места — в регионы, чему способствовали, по мнению уполномоченного Совета по Пензенской области С. С. Попова, следующие факторы: «низкий уровень образования членов церковных советов; незнание законодательства о культах государственными чиновниками; бессистемность, формализованность атеистической работы»³⁸. Несмотря на значительные усилия со стороны Совета и советско-партийного руководства в целом, религиозная практика продолжала существовать, принимая различные формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 389.

² ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 113.

³ Гасырлар авазы. — Казань, 1996.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 3. Л. 20, 24, 56.

- ⁵ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93. Л. 5–8.
- ⁶ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 389–390.
- ⁷ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 390.
- ⁸ ГАПО Ф. 148. Оп. 15. Д. 71. Л. 8–12.
- ⁹ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 66. Л. 174.
- ¹⁰ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 99. Л. 86.
- ¹¹ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 121. Л. 42–42об.
- ¹² НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 121. Л. 61.
- ¹³ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 389.
- ¹⁴ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 121. Л. 63.
- ¹⁵ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 37. Л. 253.
- ¹⁶ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 144. Л. 30–32.
- ¹⁷ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 37. Л. 252.
- ¹⁸ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 91-а. Л. 198; Ф. 148. Оп. 1. Д. 4681. Л. 34.
- ¹⁹ ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 144. Л. 93.
- ²⁰ ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 133. Л. 69; Д. 144. Л. 7,30.
- ²¹ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 77. Л. 187.
- ²² ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 63.
- ²³ ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 133. Л. 68,73; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 42.
- ²⁴ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.
- ²⁵ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
- ²⁶ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.
- ²⁷ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 89. Л. 79.
- ²⁸ ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4681. Л. 32.
- ²⁹ ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 128. Л. 39.
- ³⁰ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 89. Л. 79.
- ³¹ ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 128. Л. 83.
- ³² НА РТ Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 39. Л. 14; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 28. Л. 48; ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 164. Л. 72.
- ³³ НА РТ Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 39. Л. 15; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.
- ³⁴ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 57.
- ³⁵ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.
- ³⁶ ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 47. Л. 9; Ф. 2391. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.
- ³⁷ ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 128. Л. 41.
- ³⁸ ГАПО Ф. 2391. Оп. 1. Д. 109. Л. 10.